

УДК 821.161.1'-057.875(=581)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ**

В.В. Тартыньских

Государственный университет управления, г. Москва

E-mail: guurus@mail.ru

Тартыньских Вера Васильевна, канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурных коммуникаций Государственного университета управления, г. Москва.

E-mail: guurus@mail.ru

Область научных интересов: словоцентрический и текстоцентрический аспекты лексики: определение структурно- и функционально-семантической характеристик слова, выявление когнитивной структуры грамматических категорий и синтаксических построений в тексте.

Цель статьи – расширить и углубить приемы анализа текста художественного произведения при изучении русского языка как иностранного бакалаврами и магистрами в вузе. Актуальность темы определяется тем, что общее направление в обучении русскому языку как иностранному соответствует установке на то, что образовательная и воспитательная цели преподавания решаются параллельно с коммуникативной, а в достижении их особая роль отводится русской классической литературе. В работе используются методы наблюдения, описания, сопоставления, речевой дистрибуции, языкового и внеязыкового сопоставления. Автор приходит к выводу, что язык художественной литературы образует особую речь, в которой для решения определенных задач автором используются специальные средства языка. Акцент данной статьи сделан на одном из таких средств – художественной детали.

Ключевые слова:

Художественная деталь, идеал, жанр, персонаж.

Связь языка и культуры неоспорима. Так, например, в поздравлении участникам VI Ассамблеи фонда «Русский мир» президент России Владимир Путин отметил, что творческие и образовательные инициативы, направленные на популяризацию русского языка и российской культуры, расширение общего русскоязычного информационного пространства, повышение авторитета России в мире, заслуживают самого искреннего признания.

Особая роль в обучении иностранцев русскому языку, на наш взгляд, должна отводиться лингвострановедению как важнейшей составляющей речевой компетентности [1]. Однако при всем значении лингвострановедения его возможности используются не всегда: не разработаны, например, в полной мере приемы изучения русской классической литературы в процессе преподавания русского языка китайским студентам. Именно этому аспекту в практике преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ) посвящена данная статья. Результаты исследования могут быть использованы для разработки некоторых прикладных аспектов в обучении китайских студентов русскому языку.

Программа по РКИ предполагает изучение в определенном объеме иностранными учащимися русской классической литературы. Основное свойство художественного текста – посредством типизации отображать действительность. Взаимодействие персонажей, их поведение несут на себе приметы того времени, о котором идет речь в произведении. При анализе текста художественного произведения большое внимание уделяется, таким образом, социально-бытовому фону времени, психологическим портретам, воссозданию авторского взгляда на жизнь. Очень важны также мини-сюжет, событие, которое совершается и изображено в произведении, мини-конфликт, т. е. противоречие, возникающее в ходе повествования и раскрываемое автором в каждом эпизоде. Герои и персонажи, их отношения к событию, к проблеме, друг к другу – все это характеризует ткань произведения. Речевая характеристика участников эпизода, особенности грамматического строя речи, авторской интонации, манеры дополняют представления об авторской позиции.

Особенностью обучения в Китае, как известно, является запоминание большого количества материала и его воспроизведение, не предусматривающее анализа, интерпретации, выражения собственного мнения, поэтому очень важным для формирования коммуникативной компетенции оказывается умение понять и выразить посредством речи авторское отношение к действующим лицам, запечатленное в художественных деталях эпизода. Художественные детали в тексте дорисовывают представление читателя о героях художественного произведения.

На занятиях по русскому языку как иностранному для китайских студентов подчеркивается, что деталь в художественном произведении очень значима. Учитывая специфику детали вообще и внимание к символической детали в китайской культуре, преподаватель создает на занятиях ситуации, когда студент интерпретирует некоторые известные ему символы и в то же время знакомится с индивидуальными особенностями авторской позиции русского писателя. Несмотря на глубокие социальные перемены, произошедшие в Китае, традиции конфуцианства, в основе которого лежит рационализм, пронизанный идеалами мудрости и справедливости, не утратили своего значимого места в культуре китайского общества. Особое значение китайцы придают исполнению обязанности перед другими людьми. Главную роль в китайском обществе играет принцип «жэнь» (т. е. гуманность во всем), который, однако, отличается от христианской гуманности всепрощения. Так, конфуцианская гуманность гласит: «Платите добром за добро, а за обиду воздавайте по справедливости».

Эти постулаты необходимо учитывать при анализе русской классической литературы: на первое место выступают произведения, где идеалы справедливости, близкие и понятные каждому китайцу, воплощаются в полной мере. Это, например, рассказы А.П. Чехова. Рассказ, как известно, является любимым жанром Чехова. Его рассказы особые: в них условно присутствует деление на главных и второстепенных героев, нет четких кульминационных и подготовительных этюдов, «событием становится отсутствие события». Эти особенности оказываются близкими для китайских студентов, они, как и персонажи рассказов, погружаются в поток быстротекущего времени, в обыденность, повседневность, при этом активизируется словарный запас студентов, повторяется лексика.

Творчество Чехова студенту-иностранцу не всегда легко понять, если преподаватель не предварительно не рассказал о жизненной позиции писателя. Во вступительной беседе, посвященной изучению творчества писателя, подчеркивается, что Антон Павлович считал, что в человеке «все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Это непримиримое желание писателя видеть каждого человека «ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически» объясняет столь сильную ненависть ко всякого рода пошлости, нравственной и умственной ограниченности. Подобное стремление к совершенству, к идеалу очень понятно для китайских студентов, менталитет которых во многом зиждется на известных постулатах усердия и старательности. Неудивительно, что одна из ведущих тем творчества А.П. Чехова – разоблачение «пошлости пошлого человека» – привлекает внимание учащихся именно отсутствием у героев желания постоянно совершенствоваться. Преподаватель должен познакомить китайских студентов с миром чеховских героев, который включает разнообразные характеры. Важно подчеркнуть, что чаще всего А.П. Чехов разоблачает пассивного, сонного российского обывателя-интеллигента, показывает его тусклую жизнь, говорит о его невежестве, дикости, жестокости. Этот мир утратил основу, ибо его душит устоявшаяся в обществе субстанция – пошлость. Сытое мещанское счастье вызывает у Чехова раздражение, он страдает, оттого что в сонной атмосфере уничтожается красота человеческих отношений. Писатель тоскует по настоящей, духовно богатой жизни, полной труда и творчества.

В этом ключе написан и рассказ «Ионыч», который обязательно прочитывается и анализируется со студентами. Дмитрий Ионыч Старцев, главный герой рассказа, по воле случая был назначен врачом в земскую больницу в Дялиже. В городе, где он теперь живет, царит обывательщина. Доктор Старцев не может не замечать ущербность окружающих его людей. Долгое время они раздражали его своими разговорами, бессмысленными занятиями. Но постепенно он привыкает ко всему. Большое значение имеют авторские характеристики, на которые обязательно обращается внимание студентов: в первой главе Ионыч назван «интеллигентным человеком», во второй – «необыкновенным, удивительным доктором», а в четвертой и пятой главах – «поляком надутым» и «не человеком, а языческим богом».

Умение коротко говорить о длинных вещах – редкий дар, которым обладал Чехов. Его рассказы полемичны по отношению к жанровой традиции XIX в. Центр тяжести в них перенесен, как указывают многие исследователи его творчества, с развития событий на бессобытийное течение жизни в ее обыденной повседневности [2]. Нет интриги – надежного помощника и «организатора» действия, события не выходят за рамки быта. Сюжет рассказа «Ионыч» прост: перед нами история несостоявшейся женитьбы Дмитрия Ионовича Старцева, а фактически – история всей его жизни, прожитой бессмысленно. Художественный эффект достигается повторами, фиксирующими течение времени. Эпическое начало («когда в губернском городе С...») дополняется хронологическими «справками»: «прошло больше года... в трудах и одиночестве» (гл. 2), «прошло четыре года» (гл. 4), «прошло еще несколько лет» (гл. 5). Указания на время как бы «удлиняют» повествование: неслучившееся событие – несложившаяся жизнь – утраченное собственное имя.

Известно, что рассказы Чехова часто называют новеллами. Однако в классических новеллах всегда есть новость, неожиданное событие. В чеховских произведениях нет ничего непредвиденного, никаких сложных сюжетных поворотов. Кажется, что писатель подчеркивает то, что не случилось и, очевидно, никогда не произойдет. Интерес перенесен с событий на психологию персонажей, их настроение и «подробности» их чувств. Мысли, чувства и переживания персонажей объясняются через предметный мир. В этом художественном принципе отражены этические принципы писателя. Мир вещей обезличивает, усредняет индивидуальность людей («Ионыч»), опошляет чувства и превращает самого человека в подобие вещи («Человек в футляре»), и у читателя создается ощущение абсолютной зависимости героев от материальной «оболочки» жизни. Вещи и «вещные» отношения становятся знаками пошлости, разъединяющей людей, нарушающей гармонию. Вспомним, например, чтение Верой Иосифовной своих романов – эти романы о том, «чего никогда не бывает в жизни», а еще вспомним навязчивую подробность речи «острослова» Ивана Петровича: «Здравствуйте пожалуйста!» («Ионыч»).

Детали необходимы Чехову для создания характеристики персонажа. Деталь часто играет и роль сюжетно-смысловой опоры. Например, как в рассказе «Человек в футляре», где она обуславливает движение сюжета. В контексте произведения деталь («футляр») обрастает дополнительными смысловыми оттенками, выявляющими ее символическую природу. Предметная детализация – один из способов символизации чеховского текста. Как известно, деталь художественная – выразительная подробность в произведении, несущая значительную смысловую и эмоциональную нагрузку. Деталь художественная может воспроизводить подробности обстановки, внешности, пейзажа, портрета, интерьера, но в любом случае она используется, чтобы наглядно представить и охарактеризовать героев и их среду обитания. Работая над текстом, необходимо говорить о функциях предметно-бытовых деталей, а именно:

1. деталь – это прием раскрытия внутреннего мира героя;
2. деталь – это средство характеристики социального положения человека;
3. деталь как примета культурно-исторического характера персонажа;
4. деталь, рассчитанная на то, чтобы вызвать у читателя определенные аналогии;
5. деталь, рассчитанная на эмоциональное восприятие читателя;
6. деталь как часть мира, знакомого читателю.

Таким образом, предметная детализация – важнейшая особенность творческого метода и стиля писателя.

Характеры чеховских героев многомерны и поэтому не допускают однозначного толкования. В ранних рассказах Чехов-юморист не «разоблачает» своих персонажей, а иронизирует по поводу определенных типов человеческого поведения. Необходимо прочитать с китайскими студентами рассказы «Тоска» или «Ванька». Анекдотический сюжет только поверхностный, не самый важный смысловой пласт произведения. В анекдоте Чехов увидел «маленькую трагедию», ее тема – одиночество, бесприютность человека.

В зрелом творчестве Чехова эмоциональный тон рассказов резко изменяется. Прозаик обратился к исследованию сложного социально-психологического явления – пошлости. Пошлость вызывает у автора горькую иронию. «Маленький человек» из классической литературы предстал в новом облике – без чина, но в «футляре». Учитель древнегреческого языка Беликов перевоплотился в чиновника, «живущего по циркулярам и газетным статьям, в которых запре-

шалось что-нибудь». Этот чеховский персонаж – сатира на безликое существование в «футляре». На это указывают и речевые детали рассказа: «Антропос!» (греч. «человек») – любимое слово Беликова. Вопреки всему низменному и пошлому, что он увидел в людях, Чехов не утратил веру в Человека. Именно она воспитывает великодушные чувства. «Уважать каждого человека. Каждого! А это важно», – писал Чехов. Можно сказать, что он затрагивает вечные темы бытия. Вечные темы – это те сферы бытия человека, которые являются общими для всех времен и народов и которые неизменно на протяжении веков привлекают к себе внимание как авторов, так и читателей (например: темы юности, зрелости, старости; темы нравственности, греха и праведности, любви и ненависти; темы корыстолюбия и бескорыстия, жажды власти; общественной и частной жизни и т. д.).

В заключение темы «Рассказы А.П. Чехова» выполняется творческое задание в форме эссе «Мой любимый рассказ А.П. Чехова».

В процессе изучения русской классики у иностранных студентов формируются знания стилистических средств языка и умение правильно выбирать и употреблять эти средства в речи.

Объективно существуют, как указывают китайские ученые, особенности китайского менталитета: стремление к «сохранению лица», приоритет семьи над личностью и государства над человеком, иерархия и контроль, склонность к монотонному труду, уточнению, детализации, конкретизации; прагматизм как ориентация на полезный результат, актуальность конфуцианского принципа самосовершенствования и самообразования [3]. Таким образом, в работе с китайцами, как отмечено выше, предпочтительны следующие методы: 1) метод наглядности; 2) метод семантизации; 3) метод инструктирования, особенно с использованием алгоритмов и схем; 4) метод дедуктивного способа введения нового материала; 5) разнообразные методы тренинга. Кроме того, необходим систематический и жесткий контроль выполнения заданий. Приоритет чтения над всеми другими видами речевой деятельности – еще одна особенность обучения русскому языку китайских студентов. Китайцы, склонные к объемному запоминанию, испытывают трудности при устном общении: они мыслят конкретно-символически, а не абстрактно-понятийно, и это должно учитываться при обсуждении прочитанного произведения.

Как известно, задача писателя-реалиста, по И.С. Тургеневу, – стараться не только уловить жизнь во всех ее проявлениях, но и понимать ее, понимать те законы, по которым она движется и которые не всегда выступают наружу; нужно сквозь игру случайностей дойти до типов – и всегда оставаться верным правде, не довольствоваться поверхностным изучением, чуждаться эффектов и фальши. Анализ эпизода является важным звеном в познании эстетического идеала, воплощенного в ткани художественного произведения. Немалое значение имеет авторское отношение к действующим лицам, запечатленное в художественных деталях эпизода. Предметная детализация – важнейшая особенность творческого метода и стиля писателя. Мысли, чувства и переживания персонажей объясняются через предметный мир. В этом художественном мире отражены гуманистические принципы писателя. Именно гуманизм русской литературы привлекает особое внимание иностранных студентов, которые искренне восхищаются мастерством русских писателей. Происходит также осознание общности человеческих судеб, жизненных ценностей.

А.И. Герцен писал о таком чуде сопереживания: «Сердце обыкновенно растворяется и становится мягким вслед за глубокими рубцами, за обожженными крыльями, за сознанными падениями». В работе с китайскими студентами мы обращаемся к анализу эпизодов из классических русских романов. Чудо понимания душевных переживаний человека творится среди жизни, среди действия, среди напряженной гармонии, которая всегда сопутствует всем при чтении русской классической литературы, зажигающей в душе свет надежды. Иногда еле видный, слабо мерцающий свет. «Свет, который не вырвался на волю и угас...» – скажет другой великий мастер, И.А. Гончаров, – писатель-гуманист, тонкий психолог. Его «излюбленное дитя», роман «Обломов», – пример размышлений о судьбах людей, олицетворяющих собой «свет души», «умное сердце» и человеческое достоинство.

Студентам-иностранцам предлагается проанализировать несколько эпизодов, в которых наиболее ярко, рельефно, выпукло предстает образ Обломова, человека неглупого, доброго, светлого, нежного, но превратившегося постепенно в существо с угасшими желаниями, потухшими надеждами, а жизнь свою из «цвета любви» отдавшего во власть «сна жизни». Сам герой

скажет об этом другу Штольцу: «В жизни моей ведь никогда не загоралось никакого огня». Наверное, это так. Стоит только вспомнить родителей Ильи Ильича, понимавших жизнь «не иначе, как идеал покоя, бездействия»; рассказы няни о Милитрисе Кирбитьевне, красавице в стране с медовыми реками; жизнь героя в Петербурге, где он «проследил курс наук», со вздохами тяжести выучивая задаваемые ему уроки; отношение к светской жизни, в которой «он никогда не отдавался в плен красавицам»; службу, понимаемую им как скуку, – чтобы понять, что жизнь Обломова на Гороховой улице, в комнате с пыльными шторами и сором на полу, – закономерный итог погасшего света жизни. И только однажды этот свет вспыхивает, превращаясь в «жажду жизни, в трепет, в молнию». Это было в момент пения Ольги Ильинской – Обломов влюбился, «билося сердце, дрожали нервы, глаза искрились», он жил, свет вспыхнул ярко, ослепительно. Значит, он все-таки способен верить, любить, ведь в душе его так много сострадания, чувственности – всего того, что называется светом души. Никто: ни Штолец, ни Судьбинский, ни Пенкин, никто другой – не смог почувствовать этого света, все герои только тянутся к нему, обогреваясь в его лучах. И только Ольга всегда будет помнить об этом свете и чувствовать теплоту лучей, исходящих от света души Обломова. И хоть «блекнут сирени» и наступает зима, олицетворяющая конец любви героев, «спасительный огонь» в жизни Обломова был, он сделал другой Ольгу, принес отдохновение душе Штольца, изменил Агафью Матвеевну, в которой «проснулся человек», это так много и так мало... Много, потому что только чуткие и добрые способны изменить мир, у них ведь «сердце дальновиднее головы», а мало, оттого что слишком слаб свет, он похож на свет свечи, что гаснет при первом вздохе ветра. В творческой работе студента-иностранца читаем: «И.А. Гончаров – писатель, показавший тонкого и умного героя, которому так трудно сохранить свет души в равнодушном нашем мире, а этот свет так нужен всем людям».

В работе с китайскими студентами и магистрами необходимо максимально использовать художественно-изобразительную наглядность, например фрагменты фильмов, поскольку явления, которые китайцы не могут вообразить, они с трудом понимают. Причина подобного восприятия, возможно, обусловлена иероглифической системой письма, в которой каждый иероглиф наделен определенным значением и, по сути, играет роль изобразительной идеограммы. Комментарии преподавателя, предваряющие просмотр фильмов, иллюстраций, необходимы, т. к. настраивают на более вдумчивый просмотр и активизируют усвоение русской лексики.

Таким образом, лингвострановедческий аспект преподавания русского языка китайским студентам определяет пути и способы обучения, благодаря которым можно ознакомить иностранного учащегося с историей и культурой России [4]. Кроме того, в процессе изучения русской классики у иностранных студентов формируются знания стилистических средств языка и умение правильно выбирать и употреблять эти средства в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тартынский В.В. Межкультурная коммуникация в процессе обучения иностранных студентов // Вестник университета (ГУУ). – 2012. – №. 16. – С. 269–273.
2. Буслакова Т.П. Русская литература XX века: учеб. минимум для абитуриента. – М.: Высш. шк., 1999. – 414 с.
3. Чжао Юйцзян. Русская фразеология, пословицы и поговорки в аспекте российско-китайской межкультурной коммуникации // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-методической конференции. – Минск, 2006. – С. 157–159.
4. Морозова А.В., Черкашина Т.Т. Соотношение традиционной методики русского языка, лингводидактики и антропоцентрической лингвистики: лингвориторический подход к обучению иностранных бакалавров // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: «Вопросы образования: языки и специальность». – 2012. – № 4. – С. 13–16.

Поступила 14.01.2014 г.